

Из истории русского языка

О некоторых общих номинациях лиц детского возраста в истории русского и китайского литературных языков

Ван Вэньцзюань, Институт иностранных языков Университета электронных наук и технологий
Китая (Китай, Чэнду), amaliarussia@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724040069

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена истории формирования номинаций детей в русском и китайском литературных языках. Различие временных рамок использованного в статье фактического материала обусловлено особенностями исторического развития русского и китайского языков, а также их письменной фиксации. При этом отмечается, что данный процесс обнаруживает серьезное типологическое сходство. Это проявляется в возможности образования большого числа номинаций от небольшого количества древних корней, в стабильности и сохранности корневого материала, а также в том, что семантика лексем в обоих языках может проходить через одни и те же стадии своего развития. В составе значения и того, и другого языка могут быть представлены такие семантические компоненты, как 'раб', 'слуга, работник'. Между языками существуют также различия в развитии семантики. В русском языке семантическое развитие идет в направлении увеличения возраста, на который может распространяться данная номинация: 'ребенок' > 'молодой человек'. В китайском же языке этот процесс может идти в обратную сторону — от наименования взрослого до наименования ребенка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: номинация, семантика слова, сопоставительный анализ, русский язык, китайский язык, история языка

для цитирования: Ван Вэньцзюань. О некоторых общих номинациях лиц детского возраста в истории русского и китайского литературных языков // Русская речь. 2024. № 4. С. 63–78. DOI: 10.31857/S0131611724040069.

From the History of the Russian Language

On Some Nominations of Children in the History of Russian and Chinese Languages

Wang Wenjuan, School of Foreign Languages, University of Electronic Science and Technology of China (China, Chengdu), amaliarussia@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the history of children’s nominations in Russian and Chinese languages. The difference of time range of factual materials used in the article is due to the particularity of the historical development and the fixation of Russian and Chinese languages. The process reveals a serious typological similarity. This is manifested in the possibility of the formation of a large number of nominations from a small number of ancient roots, stability and preservation of the root material, and also in the fact that the semantics of lexemes in both languages can pass through the same stages of their evolution. The meanings of both languages may contain such semantic components as “slave”, “servant, worker”. There are also differences in semantic development between languages. In Russian, the semantics evolve in the direction of age: “child” > “young man”. In Chinese, the process can go in the opposite direction—from naming adults to naming children.

KEYWORDS: nomination of persons, semantics of words, comparative analysis, Russian language, Chinese language, history of language

FOR CITATION: Wang Wenjuan. On Some Nominations of Children in the History of Russian and Chinese Languages. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2024. No. 4. Pp. 63–78. DOI: 10.31857/S0131611724040069.

Понятие «возраст» является одним из центральных в языковой картине мира, оно обнаруживает свои средства выражения в пространстве любого языка. Отмечалось, что «выделяемые в праславянском и индоевропейском языках возрастные группы параллельны и в том, что касается их состава, и в том, что касается их последовательности, временному членению природного и хозяйственного, в особенности годового цикла, также составляющего некое замкнутое целое, как и жизнь человека» [Иванов, Топоров 1984: 97]. В связи с этим особенно актуальной представляется задача сравнения лексики подобного рода в разноструктурных языках, имеющих разные истоки формирования, носители которых прошли различный путь исторического развития, — русском и китайском. Предметом исследования служат некоторые общие номинация лиц детского возраста в истории русского и китайского литературных языков.

Названия детей были представлены в русском языке с самого раннего периода его существования. Предполагается, что такие номинации оформляются в праславянскую эпоху при отсутствии их в общеиндоевропейском языке [Трубачев 2008: 51]. При этом здесь количественно преобладают дериваты от корня **dēt-* (> *detu*). Этимологи возводят этот корень к и.-е. **dhē-* и **dhēi-*, к которым также восходят др.-инд. *dháyati* ‘сосать грудь’, праслав. **dojiti* ‘дойти’ и др. [Трубачев (ред.) 1978: 51]. Таким образом, первичное представление о ребенке складывается как представление о младенце, сосущем материнскую грудь.

Для праславянского языка реконструируется форма **děte* [Трубачев (ред.) 1978: 51], однако в наиболее ранних славянских памятниках письменности (старославянских текстах узкого канона) такой формы единственного числа не фиксируется. Присутствует только форма множественного числа *дѣти*, образованная от **děty*: *не дѣте дѣти приходити къ мнѣ* (Мариинское евангелие, Мк. 10, 14, IX в.) [Цейтлин (ред.) 1994: 205]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера встречаем указание на эту форму в единственном числе — дитя ср. р., мн. дѣти... Праслав. **děte*, **děty* [Фасмер], при этом родство данных форм определяет история праслав. **ě*, который, как известно, на восточнославянском пространстве имел рефлексy *e* и *u*. В виде формы *дет* это слово представлено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» только в одном, достаточно позднем (Псковская судная грамота, XVI в.), контексте, в котором, однако, говорится не о живом ребенке, а о выкидыше: *а жонка в то время дет* *выверже* (XVI в.) [Бархударов (гл. ред.) 1977: 240]. В форме множественного числа слово *дети* вошло и в современный русский язык, где является

основным обобщенным наименованием лиц детского возраста [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 256].

Если говорить о словообразовательных вариантах от этого корня, то еще в старославянском языке зафиксировано производное ед. ч. *дѣтищѣ* [Цейтлин (ред.) 1994: 205], которое через церковнославянские тексты с характерным южно-славянским рефлексом **tj* > *щ* переходит в древнерусский язык: в *си же времена быс<ть> дѣтищѣ вверженъ в-ыстомль* [Бархударов (гл. ред.) 1977: 238]. Также оно существовало в форме ср. рода: *дѣтище*. Эти две формы сохраняются и в XVIII в., где у последней появляется переносное значение ‘порождение чего-л.’ (ср.: *Но, суевѣрие?.. Увы! сие адское дѣтище и в благословенной Малороссии было почти повсемѣстно*) [Сорокин (гл. ред.) 1981: 117]. Возможно, на появление подобного значения оказала влияние церковнославянская фонетическая окраска слова, относящая его, как и многие церковнославянизмы, к высокому стилю речи. «Современный толковый словарь русского языка» [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 255] до сих пор указывает для этого слова два значения, определяя прямое значение как устаревшее. Однако, как показывают данные НКРЯ¹, уже в начале XX в. на десять употреблений данной лексемы в переносном значении едва ли приходилось одно в значении прямом, а в начале XXI в. на 17 зафиксированных НКРЯ употреблений этого слова в 2014–2015 гг. не пришлось ни одного, где было бы представлено первичное прямое значение.

В русском языке этому южнославянскому образованию соответствует слово *дѣтичь* ‘малолетний, ребенок’, которое представлено уже в летописном своде (Ипатьевская Переяславская летопись, 945 г.): *Олга же бѣ въ Києве съ сѣомъ Стѣславомъ дѣтичемъ* [Бархударов (гл. ред.) 1977: 238].

Следует отметить, что только в форме мн. числа фиксирует «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и еще одно производное от лексемы *дѣти* — *дѣтки*², из чего можно предположить, что производящей базой для него являлась именно форма множественного числа.

У слов, специализирующихся на общем обозначении лиц детского возраста, могут развиваться дополнительные значения. Так, слово *дѣтенышь* впервые появляется в языке для обозначения прислужника: ‘дворовый, работающий по найму в монастырской вотчине’ (XVI в.) [Бархударов (гл. ред.) 1977: 237]³. Уже в XVIII в. появляется значение, присутствующее в его семантике и в настоящее время: ‘молодое животное’ (*На том же*

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>. Дата обращения: 10.05.2018.

² Это слово первоначально употреблялось исключительно в форме множественного числа, но позже стало использоваться и в форме единственного числа.

³ В таком же значении употреблялось и слово *дѣтокъ* [Бархударов (гл. ред.) 1977: 239], исчезнувшее из русского языка.

звѣрь <белуге> бывает **детеныш**, который на спинь держится [Сорокин (гл. ред.) 1981: 116]). По-видимому, первое зафиксированное значение порождает то, которое представляет «Словарь Академии Российской» [САР 2: 676]: ‘мальчик или девочка из низкого состояния’, что особенно заметно в приводимом в словаре примере: *рядовымъ слугамъ безцестья 2.ой статьи по 3 рубли человеку, дѣтенышемъ по рублю человеку*. Но далее словари уже не отмечают этого значения.

Известно, что корень псл. *orb- стал основой для образования др.-рус. *робъ* ‘раб’. Однако между дериватами этого слова и рассматриваемыми обозначениями лиц детского возраста не произошло смешения, поскольку для обозначения потомков рабов в древнерусском языке существовали специальные лексемы: *робичь*, *робичичь* и *робичищъ* [Богатова (гл. ред.) 1997: 168–169].

Фонетический вариант *робенокъ*, признающийся исследователями первичным, появляется в текстах в 1619 г. [Богатова (гл. ред.) 1997: 168]. В отличие от слова *ребенокъ*⁴, которое с момента своего появления и до настоящего времени называло исключительно лицо детского возраста без указания на его пол, вариант *робенокъ* мог использоваться также в значениях ‘мальчик, подросток’, ‘парень, юноша’, ‘работник’.

Любопытно, что уменьшительные формы этих слов фиксируются в текстах на несколько лет раньше их производящих: *ребеночекъ* — в 1651 г., *робеночекъ* — в 1618 г., а раньше формы ед. ч. фиксируется форма мн. ч. рассматриваемых слов: *ребята* — в 1638 г., *робята* — в 1480 г. [Богатова (гл. ред.) 1997: 125, 168]. Следует отметить, что формы мн. ч. обоих вариантов расширяют свое значение до обозначения не только детей вообще, но и более старшей молодежи мужского пола, а также получают возможность называть молодых слуг и работников. В современном русском языке для обозначения молодых людей можно использовать слово форма *ребята* [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 1109].

В XVII в. эти два фонетических варианта развивались равномерно, что показывает и образование от них практически одинаковых дериватов, ср. с корнем *реб-*, кроме уже названных, производные *ребяенок*, *ребятишка* / *ребятишки*, *ребятка*, и с корнем *роб-* — *робятка* / *робятки*, *робятишко* / *робятишка* / *робетишки* / *робятишки* [Богатова (гл. ред.) 1997: 125, 168]. Фонетический вариант с корнем *роб-* мог еще спорадически встречаться в текстах XVIII в. (*В беседе со щеголихами бываю я волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; меня за это называют резвым робенком*).

⁴ П. Я. Черных так представляет развитие этого слова: псл. *orb- ‘слабый, беспомощный’ > др.-рус. *робя* (представлено в текстах от 1613 г. [Богатова (гл. ред.) 1997: 169]) > др.-рус. *робенокъ* > *ребенокъ* [Черных 1999: 102].

Н. И. Новиков. 1775), но уже к началу XIX в., по данным НКРЯ, был полностью вытеснен вариантом с корнем *реб-*.

Следует отметить, что при образовании дериватов от слова *ребенок* более активной оказывается форма мн. ч.: если от формы ед. ч. образуется только дериват *ребеночек*, то от мн. ч. сразу несколько: *ребятки, ребятушки, ребятишки, ребятня* [Тихонов, 2014: 393], ср. также многочисленные дериваты от формы *дети*: *детка/детки, деточка/деточки, детишки, детушки, детеныш, детёнок, детёночек/детёночка, детище* [Тихонов 2014: 167].

Большая группа слов, служащих для обозначения лиц детского возраста без актуализации гендерных признаков, образуется от корней, восходящих к праславянскому **mold-*. Как отмечается в «Этимологическом словаре славянских языков», для этого корня восстанавливается первичное значение ‘мягкий, нежный, слабый’ [Трубачев (ред.) 1992: 178]. Первые слова с этим корнем, обозначающие лицо детского возраста, появляются еще в старославянском языке: *младенець/младениць/младатьце*. Их можно считать точными синонимами, поскольку они обладают одинаковым значением ‘младенец’ [Цейтлин (ред.) 1994: 329–330]. Примеры из евангельских текстов показывают, что эти слова могли обозначать детей с самого раннего возраста, в том числе еще не родившихся: *възигра сѧ младенець / младениць радоштами въ чрвьь моеь* [Цейтлин (ред.) 1994: 329].

Слово *младенець*, по данным словаря, расширяет значение по сравнению с тем, в котором оно было представлено в старославянском языке, поскольку приобретает возможность обозначать не только младенцев и детей, но и подростков [Филин (гл. ред.) 1982: 183]. Оно также образует уменьшительная форма *младенчикъ* [Филин (гл. ред.) 1982: 185]. Эти слова не предполагают разделения лиц детского возраста по половому признаку в отличие от новообразования *младеница*, имеющего значение ‘девочка’ [Филин (гл. ред.) 1982: 183].

В современном русском языке из всех перечисленных лексических средств остается слово *младенец* (если не принимать во внимание церковную практику, где, по церковнославянской традиции, младенец — ‘ребенок до 7 лет безотносительно пола’), обозначающее ребенка в возрасте от пренатального (*Аллергия к пищевым продуктам может сформироваться у младенца ещё в утробе при нарушениях в питании будущей мамы*. М. Клевцова. 2008) до годовалого (*Савва надулся и сразу стал похож на младенца первого года жизни — серьезного и сосредоточенного*. М. Баконина. 2000) а также уменьшительная форма *младенчик* (*Бабка с восторгом показывала младенчика соседям и умилялась: «Ах, вылитый Серёженька в детстве!»* Т. Соломатина. 2010).

Для обозначения лиц детского возраста используются также дериваты корня **mal-*, который большинство этимологов рассматривают как результат развития и.-е. **mēlo-*, корня субстантивированного прилагательного с первоначальным значением ‘маленький’ [Трубачев (ред.) 1990: 176]. Это, в частности, слово *малютка* ‘маленький ребенок, младенец’ [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 518]. В древнерусском языке это слово встречалось только как личное имя, причем в пренебрежительной форме от *Малюта*, образованного от соответствующего апеллятива со значением ‘о низкорослом, маленьком человеке’ (ср.: *Малютка Скуратовъ... льстець нынѣшняго царя Алексія* (1666 г.) [Филин (гл. ред.) 1982: 24]). Однако уже в XVIII в. оно приобрело значение ‘маленький ребенок, младенец’ [Сорокин (гл. ред.) 2001: 55], в котором употребляется и в настоящее время.

Также для номинации лица детского возраста используется слово *малевка*. Оно появляется в XVIII в. в значении ‘мелкая рыбка, малек’. Как указывает «Современный толковый словарь», это значение сохраняется у него и в настоящее время [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 518], однако к нему добавляется еще одно — ‘о ребенке или человеке маленького роста’. Возможность обозначать лицо детского возраста рассматриваемое слово приобретает в начале XX в.: *В палате «лежали» два мальчика, по-здешнему, «малевки», которые особенно интересовали меня* (С. П. Подъячев. 1903).

В современном русском языке представлен также композит, в который в качестве одного из компонентов входит корень **mal-*: *малолеток/малолетка* ‘ребенок, маленький мальчик или девочка’ [Кузнецов (гл. ред.) 2008: 516]. Его первоначальным грамматическим вариантом была форма *малолѣтка*, появившаяся в текстах 1610 г. Недостаток контекстов употребления этого слова не позволяет сделать вывод о его первоначальной родовой принадлежности, однако составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» полагают, что это был, скорее, женский род: *Михайлова жена Десятого Неждана, у нее детей сынъ Матвей служитъ да сынъ Калина да дочери, а дочерей Орина да Мартя, а людей малалетка девка Полажка* [Филин (гл. ред.) 1982: 17]. Но уже в XVIII в. это слово употребляется в мужском роде и получает возможность обозначать детей обоего пола: *Из тѣх де представленных малолѣтков, которые получали при командѣ фузелерной провиант 6, да не получающих трех 5-лѣтняго возраста в гарнизонную школу причислил* [Сорокин (гл. ред.) 2001: 48].

В китайском языке также существует несколько корней, образующих номинации лиц детского возраста.

Рассмотрение наименований лиц детского возраста целесообразно начать со слова, которое называет самое «молодое» существо. В современном

китайском языке такое лицо называет иероглиф 嬰 [yīng] ‘новорожденный, младенец’.

Лексема 嬰 [yīng] зафиксирована в «Словаре строения и толкования древнекитайских иероглифов» (说文解字) (100–121 гг.). Как первый китайский систематический словарь иероглифов, составленный и упорядоченный по принципу иероглифического «ключа», а также проводящий анализ строения иероглифического знака и происхождения иероглифов, он содержит следующее определение: 嬰, 颈饰也 (嬰 — это древние женские украшения для шеи, похожие на ожерелье и т. п.) [Zhang Heng 1993: 228; Gu Yankui 2003: 639–640; Xiong Guoying 2012: 698]. Очевидно, что изначально слово не называло лицо детского возраста, а служило для наименования женских украшений. Оно могло также употребляться для называния действия: ‘повязать на шею, носить, вешать, надевать (на шею)’. Приведем пример из текста трактата «墨子» («Мо-цзы») (V–III в. до н. э.): 被甲嬰冑, 将往战, 死生之权, 未可识也 (Люди надевают броню и завязывают (嬰) шлемы, они пойдут сражаться, времена и причины смерти непредсказуемы) [BCC]⁵. Слово 嬰 также имело другие значения: ‘окружать, опутывать’; ‘сделать себя кем-то или чем-то’; ‘задевать, трогать’. Так, в древних текстах читаем: 世网嬰我身 (Сети мирской суеты опутывают (嬰) меня) (陆机 (Лу Цзи), 261–303 г.); 身嬰夷戮, 为天下笑 (Меня убили, я стал посмешищем в мире, люди смеялись надо мной) («新唐书·姚崇传» (Новая история династии Тан. Биография Яо Чун), 1060 г.) [CNCORPUS]⁶; 则兵劲城固, 敌国不敢嬰也 (Тогда военные силы могучи, городские стены прочны, враги не посмеют трогать (嬰) нас) («荀子» (Сюнь-цзы), ок. IV–III в. до н. э.) [Wang Chaozhong 2006: 1032–1033].

В словаре иероглифов 玉篇 («Юйпянь», 543 г.) читаем: 男曰儿, 女曰嬰 (Младенец мужского пола называется 儿, а женского пола называется 嬰) [Qi Chongtian 2010]. «Словарь общеупотребительных слов древнекитайского языка» содержит такой пример: 资储无担石, 儿女皆孩嬰 (В доме нет еды, сын еще ребенок, а дочь — младенец) (鲍照 (Бао Чжао), 415–466) [Chen Tao 2006].

Очевидно, что между семантикой именного и глагольного наименования существует тесная корреляция, поскольку последнее полностью соответствует представлению о спеленатом младенце, которого мать несет на себе. Приведенные выше примеры позволяют также сделать вывод о том, что первоначально 嬰 [yīng] в древней китайской литературе называло младенца женского пола, но позже утратило гендерную составляющую своей семантики.

⁵ BCC — Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета: <http://bcc.bcu.edu.cn/>

⁶ CNCORPUS — Корпус китайского языка государственного комитета языков: <http://www.aihanu.org/cncorpus/index.aspx>

Выше мы уже отмечали, что в современном китайском языке слово 嬰 [yīng] используется в значении ‘новорожденный, младенец’. Оно служит также для называния действия ‘опутывать, сделать себя кем-то или чем-то’ и имеет помету «книжное» [XH: 1560; Li Xingjian 2014: 1580].

На основе компонента 嬰 образовалось слово 嬰兒 [yīng’ér] ‘младенец’, которое состоит из двух иероглифов: 嬰 [yīng] и 儿 [ér]. В современном китайском языке элемент 儿 [ér] может выступать в качестве форманта, который имеет значение ‘ребенок; сын; молодой человек’ [Li Xingjian 2014: 348–349]. Этот формант используется также для конкретизации значения слов. Кроме того, установлено, что в древнем китайском языке слово 儿 [ér] могло употребляться автономно.

Номинация 嬰兒 [yīng’ér] была зафиксирована раньше, чем рассмотренное выше слово 嬰 ‘младенец’. Впервые находим его в книге «Военное искусство Сунь Цзы» (начало VI в. до н. э.): 视卒如婴儿, 故可与之赴深溪: 视卒如爱子, 故可与之俱死 (Если генерал относится к солдатам так же внимательно, как к младенцам (婴儿), то его солдаты могут выполнять заповеди генерала, идти в огонь и в воду; генерал может обращаться со своими солдатами, как с любимыми детьми, тогда его солдаты могут умереть вместе с генералом) [CNCORPUS]. 嬰兒 [yīng’ér] в книге «Лао Цзы» (впоследствии «Дао дэ цзин») (V–III вв. до н. э.) также употребляется в значении ‘младенец’: 我独泊兮其未兆, 如婴儿之未孩 (Я скромн в желаньях, непритязателен и спокоен, словно несмеющийся младенец (婴儿)) [Chen Tao 2006]. Следует добавить также, что в даосской литературе младенцы — это идеальные, наивные и чистые образы святых и мудрецов.

Первый китайский этимологический словарь «释名» («Шимин») 刘熙 (Лю Си), около 200 г., содержит следующую информацию: 人始生曰婴儿 (Человек с рождения называется младенцем (婴儿)) [Qi Chongtian 2010]. В современном же китайском языке лексема 婴儿 тоже называет младенца, ребенка в возрасте до одного года [XH: 1560; Li Xingjian 2014: 1580]. Есть основания считать, что семантика слова стала более конкретной.

В языке древней китайской литературы находим еще одну номинацию — 嬰孩 [yīnghái], которая состоит из двух семантически близких элементов: 嬰 [yīng] ‘младенец’ и 孩 [hái] ‘смеяться как младенец’. Получившееся наименование имело значение ‘младенчество’: 人自生至终, 大化有四: 嬰孩也, 少壮也, 老耄也, 死亡也 (От рождения до смерти в жизни человека есть четыре основных этапа: младенчество (婴孩), молодость, старость и смерть) (列子 (Ле-цзы), ~281–315) [CNCORPUS]. Трудно однозначно установить, что представляет собой это наименование — слово или словосочетание. Примеры его использования показывают, что эта единица также могла иметь значение ‘ребенок’: 目覩嬰孩成老叟, 手栽松柏有枯枝 (Увидев, что

ребенок (嬰孩) сначала взро­с­леет, а затем стареет, вспомнишь посажен­ные сосны и кипарисы, которые сей­час стоят уже с мертвыми ветвями) (方千 (Фан Цянь), IX–X вв.) [CNCORPUS]. «Словарь общеупотребительных слов древнего китайского языка» также указывает, что данное слово имеет значение ‘младенец’, и приводит следующий пример из стихотворения Су Ши (Су Ши) (1037–1101 гг.): 山僧老无子, 养护如嬰孩 (У пожилого монаха нет сына, и он за сосной ухаживает, как за младенцем (嬰孩)) [Chen Tao 2006].

В современном китайском языке 嬰孩 [yīnghái] — одно слово, которое имеет значение ‘младенец’ [XH: 1560].

Наименование 孩 [hái] фиксирует уже древний китайский «Словарь строения и толкования древнекитайских иероглифов» (说文解字 (100–121 гг.)) [Qi Chongtian 2010]: 咳, 小儿笑也。孩, 古文咳从子 (слово 孩 [hái] ‘ребенок’ в древние времена вступало в синонимические отношения со словом 咳 [hái] ‘смеяться, как младенец’). Позже второе из приведенных слов изменило свое значение, и в настоящее время оно не связано с наименованиями лиц детского возраста. Синонимические отношения утрачены, различные иероглифы передают разные значения.

С развитием языка слово 孩 [hái] модифицировало свой смысл. Первая дошедшая до нас китайская энциклопедия «Гуанья» («广雅»), составленная в период царства Вэй эпохи Троецарствия (227–232 гг.), приводит его со значением ‘малолетний’: 孩, 小也 [Qi Chongtian 2010]. В созданном позже словаре иероглифов «Юйпянь» («玉篇», 543) зафиксировано метафорическое значение этого слова — ‘неопытный, незрелый’: 孩, 幼稚也 [Qi Chongtian 2010]. Использование приведенной единицы для называния ребенка отмечено в стихотворении «Судьба» «命子» китайского поэта Тэо Юаньмин (Тэо Юаньмин), который жил в эпоху Восточная Цзинь (352/365–427 гг.), у иероглифа 孩 было зафиксировано значение ‘ребенок, младенец’. В «Биографии горбуна по фамилии Го, умеющего сажать деревья» («种树郭橐驼传»), читаем: 字而幼孩, 遂而鸡豚 (Кормить ваших маленьких/малолетних **ребят (孩)**, домашних животных) (династии Тан, Лю Цзунюань (766–835 гг.) [BCC]).

В современном китайском языке анализируемое слово является однозначным: 孩 [hái] ‘ребенок’ [XH: 504]. От него при помощи суффикса имен существительных 子 [zi] образуется номинация 孩子 [háizi], которая впервые встречается в тексте трактата «Мо-цзы» (V–III вв. до н. э.): 播弃黎老, 贼诛孩子 (Бросить стариков и убить **детей**) [BCC]). Приведенное производное слово со временем не только стало называть ребенка по отношению к его родителям, но и служить ласковым обращением к представителям младшего поколения, молодым слугам, а также называть

нить, отсюда сема ‘мелкий, маленький’; вторая часть — это изображение руки, представляющее сему ‘сила’. Целиком это слово имело значение ‘сила очень маленькая, как шелковая нить’, его находим в «Словаре строения и толкования древнекитайских иероглифов» «说文解字» (100–121 гг.): **幼**, 少也。从幺, 从力。(Слово **幼**, употреблявшееся со значением ‘маленькая сила; малолетний’, 幺 ‘шелковая нить; мелкий, маленький’, 力 ‘сила’) [Xiong Guoying 2012: 710].

Позже слово **幼** [yòu] употреблялось в китайском языке в значении ‘маленький’; ‘в малолетстве’: 夫人**幼**而学之, 壮而欲行之 (Если в **малолетстве** стараются учиться, то в расцвете сил они удовлетворяют свои амбиции) («孟子» («Мэнь-цзы»), IV–III вв. до н. э.); 母老子**幼**, 就养勤匮 (Мать моя стара, дети **маленькие**. И мать, и дети нуждаются в уходе.) (颜延之 (Янь Яньчжи, 427 г.). Слово **幼** могло также употребляться для именованя ребенка: 勿遗寿**幼** (Не пропустить пожилых людей и **детей** (о завоевании другого княжества) (надпись на бронзовом треножнике Юй, 1046 г. до н. э. — 771 г. до н. э.) [Li Xueqin 2012: 338]. Кроме того, в структуре значения этого слова содержится сема ‘молодой’, оно может называть животных и растения, например: **幼**林 (досл. **幼** [yòu] + 林 ‘лес’) ‘молодой лес, поросль’; **幼**虫 (досл. **幼** [yòu] + 虫 ‘насекомое, червяк’) ‘личинка’ и др. В современном китайском языке анализируемое слово **幼** [yòu] также имеет значения ‘младенческий; незрелый’ и ‘младенец, малыш, ребенок’ [ХН: 1582].

Это слово образует номинацию **幼儿** [yòu’ér], которая употреблялась в китайском языке в значении ‘малолетний сын’; ‘в малолетстве’ и также использовалась для обозначения младенца, ребенка: 先是侧近寺观, 或民家, 亡失**幼儿**, 不计其数, 盖悉罹其啖食也 (Семьи обычных людей, которые раньше жили рядом с храмом, часто теряли своих **детей**) (太平广记 (Записки времен Тайпинов), 978) [ССЛ]. Позже значение рассматриваемой номинации сужается, и, например, в произведении 傅云龙 (Фу Юньлун) 《游历日本图经》 («Путешествие по Японии») (~1889 г.) она называет только маленького ребенка⁸. Это значение сохраняется и в современном китайском языке.

Заключение

Несмотря на все отличия, существующие между русскими и китайскими номинациями лиц детского возраста, сам процесс их формирования обнаруживает большое количество сопоставительно-типологических

⁸ 黄河清. 近现代辞源[M/OL]. 上海: 上海辞书出版社. 2010 [2018.06.02]. Хуан Хэйцин. Этимологический словарь новой и новейшей эпохи (приблизительно с XVII в. до 1949 г.) [Электронный ресурс] / Хуан Хэйцин. Шанхай: Шанх. изд-во лексикогр. лит., 2010. URL: <http://gongjishu.cnki.net/refbook/detail.aspx?db=crfd&RECID=R201405004000840> (дата обращения: 02.06.2018).

сходств. Это, прежде всего, древность появления основных номинаций: в случае русского языка основные корни относятся к праславянскому лексическому фонду, в китайском языке они были зафиксированы в XV–XII вв. до н. э. Есть и отличие: лексемы, которые в настоящее время используются в русском языке для номинации детей, в связи с иной историей развития кириллической письменности получают достаточно позднюю письменную фиксацию — они впервые появляются в старославянских памятниках узкого канона (IX в. н. э.).

При этом и русские, и китайские слова являются дериватами от небольшого числа корней. В русском языке основные названия лиц детского возраста образуются от корней *дет-* (< праслав. **dět-*), *реб-* (< праслав. **orb-*), *мал-* (< праслав. **mal-*), *млад-* (праслав. **mold-*), в китайском — 嬰 [yīng] ‘новорожденный, младенец’, 孩 [hái] ‘ребенок’, 小 [xiǎo] ‘маленький’, 童 [tóng] ‘ребенок’, 娃 [wá] ‘ребенок’, 幼 [yòu] ‘младенческий; незрелый; младенец, ребенок’. Возможно, именно это обеспечило историческую стабильность и сохранность корневого материала: частое употребление закрепляло корни в лексической системе языка.

Различие временных рамок использованного в статье фактического материала обусловлено особенностями исторического развития русского и китайского языков, а также их письменной фиксации. Несмотря на разные временные рамки, развитие семантики номинаций детей в русском и китайском литературных языках проходит одни и те же стадии и обнаруживает сходство в том, что в составе значения и тех, и других могут быть представлены такие семантические компоненты, как ‘раб’, ‘слуга, работник’. Между языками существуют также различия в развитии семантики. В русском языке семантическое развитие идет в направлении увеличения возраста, на который может распространяться данная номинация: ‘ребенок’ > ‘молодой человек’. В китайском же языке этот процесс может идти в обратную сторону — от наименования взрослого до наименования ребенка (см. 童).

Литература

- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 404 с.
- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М.: Наука, 1997. 297 с.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций) // Славянское и балканское языкознание: язык в этнокультурном аспекте. М.: Наука, 1984. С. 87–98.

- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Новейший большой толковый словарь русского языка. М.; СПб.: РИПОЛ-Норинт, 2008. 1534 с.
- САР – Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императ. Акад. наук, 1789–1794.
- Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 256 с.; Вып. 12. СПб.: Наука, 2001. 253 с.
- Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. 639 с.
- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 5. М.: Наука, 1978. 232 с.; Вып. 17. М.: Наука, 1990. 272 с.; Вып. 19. М.: Наука, 1992. с. 254.
- Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 7–288.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer#> (дата обращения 01.04.22).
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М.: Наука, 1982. 357 с.
- Цейтлин Р. М. (ред.). Старославянский словарь: по рукописям X–XI веков. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Рус. яз., 1999. 560 с.
- 陈涛. 古汉语常用词词典[M]. 北京: 语文出版社. 2006. 966页.
- 高景成. 常用字字源字典[M]. 北京: 语文出版社. 2008. 391页.
- 谷衍奎. 汉字源流字典[M]. 北京: 华夏出版社. 2003. 863页.
- 现代汉语规范词典 / 李行健主编. – 3版. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2014. 1803页.
- 李学勤. 字源(上中下) [M]. 天津: 天津古籍出版社;沈阳: 辽宁人民出版社. 2012. 1420 页.
- 齐冲天, 齐小乎. 汉语音义字典(上下) [M]. 北京: 中华书局. 2010. 1103页.
- 王海根. 古代汉语通假字大字典[M]. 福州: 福建人民出版社. 2006. 1065页.
- 王朝忠. 汉字形义演释字典[M]. 成都: 四川出版集团·四川辞书出版社. 2006. 1263页.
- 熊国英. 中国象形字大典[M]. 天津: 天津古籍出版社. 2012. 810页.
- 张栢, 许梦麟. 通假大字典 [M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1993. 1032页.
- XH – 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 / 现代汉语词典 – 6版. – 北京: 商务印书馆, 2015. 1789页.

References

- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1977. 404 p.

- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 22. Moscow, Nauka Publ., 1997. 297 p.
- Chen Tao. *A Dictionary of Common Words in Ancient Chinese* [M]. Beijing, Language & Culture Press, 2006. 966 p.
- Chernykh P. Y. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The historical etymological dictionary of modern Russian language]. Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999. 560 p.
- Gao Jingcheng. *The Dictionary of the Origin of Common Hieroglyphs*. Beijing, Language & Culture Press, 2008. 391 p.
- Gu Yankui. *Historical Dictionary of Chinese Hieroglyphs* [M]. Beijing, Huaxia Publ. House. 2003. 863 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Available at: <https://gufo.me/dict/vasmer#> (accessed 01.04.22).
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Iss. 9. Moscow, Nauka Publ., 1982. 357 p.
- Ivanov V. V., Toporov V. N. [To the origins of Slavic social terminology (semantic sphere of public organization, power, management, and main functions)]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: yazyk v etnokul'turnom aspekte* [Slavic and Balkan Linguistics: Language in Ethno-Cultural Aspect. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 87–98. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (ed.) *Noveyshii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Latest Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, St. Petersburg, RIPOL-Norint Publ., 2008. 1534 p.
- Li Xueqin. *The Origin of Hieroglyphs* (Volumes 1, 2 and 3) [M]. Tianjin, Tianjin Ancient Books Publishing House; Shenyang: Liaoning People's Publ. House, 2012. 1420 p.
- Li Xingjian [et al.] (eds.). *The Normative Dictionary of Modern Chinese*. 3rd ed. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press, 2014. 1803 p.
- Qi Chongtian, Qi Xiaohu. *A Dictionary of Chinese Hieroglyphs: Pronunciation and meaning* (Volumes 1 and 2). Beijing, Zhonghua Book Company, 2010. 1103 p.
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [The Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 6. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 256 p.; Iss. 12. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 253 p.
- Tikhonov A. N. *Novyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka dlya vsekh, kto khochet byt' gramotnym* [A new word-formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate]. Moscow, AST Publ., 2014. 639 p.
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological dictionary of the Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Moscow, Nauka Publ. Iss. 5. 1978. 232 p.; Iss. 17. 1990. 272 p.; Iss. 19. 1992. 254 p.
- Trubachev O. N. [History of Slavic kinship terms and some of the oldest terms of social structure]. Trubachev O. N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on Etymology: Word. History. Culture]. Vol. 3. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008, pp. 7–288. (In Russ.)

- Tseytlin R. M. (ed.). *Staroslavjanskii slovar': po rukopisyam X–XI vv.* [The Old Church Slavonic dictionary: based on manuscripts from the 10th–11th centuries]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1994. 842 p.
- Wang Haigen. *The Grand Dictionary of Interchangeability of Hieroglyphs in Ancient Chinese.* Fujian, Fujian People's Publ. House, 2006. 1065 p.
- Wang Chaozhong. *A Dictionary of Interpretation of Chinese Hieroglyphs' Forms and Meaning* [M]. Chengdu, Sichuan Publ. Group, Sichuan Dictionary Publ. House, 2006. 1263 p.
- XH — *Dictionary of modern Chinese language.* 6th ed. Beijing, The Commercial Press, 2015. 1789 p.
- Xiong Guoying. *Grand dictionary of pictorial type hieroglyphs (pictography).* Tianjin, Tianjin Ancient Books Publ. House, 2012. 810 p.
- Zhang Heng, Xu Menglin. *Large Dictionary of Interchangeability of Hieroglyphs* [M]. Harbin, Heilongjiang People's Publ. House. 1993. 1032 p.